

Переговоры о присоединении Афганистана и Саудовской Аравии к Ближневосточному пакту в конце 1935 г. и позиция английской дипломатии

История образования региональной политической группировки в составе Турции, Ирака, Ирана и Афганистана, получившей в июле 1937 г. название Саадабадского пакта¹, освещена в советской научной литературе в недостаточной степени. Большинство исследователей, касавшихся этого вопроса, как правило, только констатировали факт подписания пакта при характеристике основных направлений внешней политики Турции, Ирака, Ирана и Афганистана накануне второй мировой войны. Работы П. К. Тарасова² и С. Л. Агаева³, специально изучавших историю Саадабадского пакта по доступным им источникам, опубликованы сравнительно давно и не могут полностью удовлетворить научный интерес к данному историческому сюжету. Кроме того, отдельные выводы этих авторов противоречат друг другу⁴, ряд положений нуждается в уточнении.

В настоящей статье ставится задача, используя ранее неизвестные документы Государственного архива Великобритании и другие источники, проследить ход переговоров о расширении первоначального состава участников Ближневосточного пакта в конце 1935 г. и показать, какую позицию по этому вопросу занимала английская дипломатия.

2 октября 1935 г. прибывшие на сессию Лиги наций в Женеву представители Турции, Ирака и Ирана в итоге состоявшихся переговоров парафировали проект трехстороннего договора о ненападении. В научной литературе отмечается, что одним из факторов, ускоривших процесс создания региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке, явилась экс-

¹ В советской и зарубежной литературе, наряду с названием пакта «Саадабадский», применяются: Ближневосточный, Средневосточный, Азиатский пакт, Ближневосточная или Средневосточная Антанта и др. В настоящей статье употребляется термин «Ближневосточный», хотя при цитировании источников приводятся и другие названия.

² Тарасов П. К. Саадабадский пакт.— В кн.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968, с. 47—68.

³ Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости, 1925—1941 гг. М., 1971, с. 286—304.

⁴ См.: Агаев С. Л. Иран: внешняя политика..., с. 293.

пансионистская политика фашистской Италии в отношении афро-азиатских стран, подготовка и развертывание итальянской агрессии против Эфиопии⁵. Однако окончательному подписанию договора в то время в значительной мере мешал неразрешенный ирано-иракский спор о границе по реке Шатт-эль-Араб. Кроме того, как стало известно английским представителям в Женеве, накануне парафирования, 30 сентября, делегация Ирана предложила, чтобы договор «был открыт для присоединения к нему Афганистана». Представители Ирана подготовили даже проект специального протокола, «предусматривающего такое присоединение», но из-за возражений делегации Ирака «он не был включен в парафированный текст»⁶.

В странах-участниках предполагаемого пакта его парафирование было встречено с одобрением. Так, бюллетень Анатолийского агентства от 15 октября 1935 г. отмечал, что «иранская пресса выразила удовлетворение заключением пакта о ненападении между Ираном, Турцией и Ираком». В информации агентства говорилось, что «иранская пресса подчеркивает значение этого пакта, заключенного в такой кризисный момент в международных делах, приветствует его как новую гарантию мира для Востока в то время, когда грозовые тучи сгущаются на Западе, и заявляет, что пакт является доказательством преданности Ирана Лиге наций»⁷. По мнению английского поверенного в делах в Турции Дж. Моргана, появление подобной информации свидетельствовало о том, что турецкий министр иностранных дел Т. Р. Арас «преуспел в выполнении своего проекта ... создания тройственного пакта о ненападении между Турцией, Ираном и Ираком»⁸.

Однако сотрудники ближневосточного отдела английского МИД сочли такой вывод «несколько преждевременным», поскольку договор еще «не был «заключен», а только парафирован»⁹. Моргану было направлено соответствующее разъяснение. В нем обращалось также внимание на «возможное присоединение к пакту Афганистана», но самым «реальным затруднением» на пути к окончательному заключению пакта в Форин оффисе считали предварительное заключение «договора о дружбе» между Ираном и Ираком, призванного урегулировать их пограничные разногласия. В целом же, по мнению руководителя ближневосточного отдела Дж. Рендела, пока не следовало преувеличивать подлинного значения планируемого

⁵ Новейшая история Турции. М., 1968, с. 159; Агаев С. Л. Иран: внешняя политика..., с. 295.

⁶ PRO, FO. 371/18921, p. 145.

⁷ Ibid., p. 111.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid., p. 113.

пакта, который, по его словам, был предназначен только для того, чтобы «создать соответствующую атмосферу»¹⁰.

Сведения о планируемом пакте ближневосточных стран распространились в дипломатических кругах. 24 октября первый секретарь польского посольства в Лондоне граф Михаловский в беседе с высокопоставленным чиновником Форин оффиса Л. Колльером сказал, что его правительство «слышало о турецком предложении заключить пакт о ненападении между Турцией, Персией¹¹, Ираком и, возможно, также Афганистаном и Саудовской Аравией». В связи с этим польский дипломат спросил, «имеет ли правительство его величества такую же информацию и считает ли оно данное предложение сделанным с уведомлением Советского правительства или направленным против последнего». Л. Колльер, предварительно проконсультировавшись по телефону с сотрудником ближневосточного отдела А. Ламбертом, ответил, что английское правительство «имеет такую же информацию о пакте, но, по его мнению, пакт, конечно, не направлен против Советского правительства. Наоборот, турецкое правительство, по-видимому, информировало Советское правительство о своих намерениях заранее». Британский дипломат даже заявил, что «все это предложение является возрождением в расширенном варианте подобного же предложения, сделанного турками около двух лет тому назад при советском потворстве, если не по советскому подстрекательству»¹².

В ответ на полученные разъяснения Михаловский сказал, что в его посольстве также «не сомневаются, что предложение о пакте не имеет антисоветского характера», но руководство восточного отдела польского МИД «склонно подозревать, что все это дело так или иначе связано с Россией», и поэтому настояло на том, чтобы сделать данный запрос¹³. Появление подобных «подозрений» вероятно объяснялось тем, что в октябре 1935 г. Москву посетил министр иностранных дел Ирана Каземи¹⁴.

Консультировавший Колльера А. Ламберт, изучив запись беседы с Михаловским, констатировал, что «польское посольство, по-видимому, хорошо информировано на предмет этого пакта, хотя, конечно, мысль о том, что он может быть антисоветским, является самой невероятной». Ламберт выразил со-

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Персия — название Ирана в официальной дипломатической переписке до 21 марта 1935 г. Однако многие дипломаты западных стран продолжали по-прежнему именовать страну «Персией».

¹² PRO, FO. 371/18921, p. 119.

¹³ Ibidem.

¹⁴ См.: Известия, 1935, 16—17 окт. Каземи провел переговоры с временно исполнявшим обязанности наркома иностранных дел СССР Н. Н. Крестинским, был принят Председателем СНК СССР В. М. Молотовым.

жаление, что беседа Колльера с польским дипломатом раскрыла наличие в английском МИД информации относительно возможности присоединения к Ближневосточному пакту Саудовской Аравии. «Я бы говорил с мистером Колльером несколько точнее относительно характера этой информации,—оправдывался перед начальством Ламберт,—если бы я знал, что она выйдет за пределы министерства»¹⁵.

«Как я понимаю, мистер Ламберт не знал, что информация, о которой запрашивал Колльер, будет передана первому секретарю польского посольства,—объяснял, в свою очередь, более высокому начальству Рендел.—Если бы он знал это, то он, несомненно, предложил бы выразить вежливо удивление по поводу заявления о том, что Саудовская Аравия может быть приглашена к вступлению в пакт». С другой стороны, считал Рендел, ничего страшного не случилось, так как вышеуказанное предложение о пакте упоминалось в широких кругах дипломатов в Женеве и во многих других местах¹⁶.

Колльеру пришлось составлять объяснительную записку по поводу своей беседы с Михаловским: «Я был уже осведомлен об источнике нашей собственной информации относительно намерения правительства Ирака оставить пакт открытым для присоединения Саудовской Аравии, когда разговаривал с Михаловским,—писал Колльер,—и по этой самой причине я решил, что будет лучше сказать ему в общих чертах, что наша информация о пакте совпадает с имеющейся у него, чем привлекать внимание именно к этому вопросу. Однако,—отмечал он далее,—сейчас, кажется, уже общеизвестно, что пакт может включать и Саудовскую Аравию... Михаловский коснулся даже слухов о том, что пакт будет включать, наряду с Саудовской Аравией, и Йемен в целях его защиты против итальянских замыслов, но, поскольку он расценил эти слухи как совершенно не заслуживающие доверия, я не счел нужным упоминать о них в отчете о беседе»¹⁷.

25 октября 1935 г. в ответ на запрос руководства английской колониальной администрации в Индии относительно возможности присоединения Афганистана к парафированному в Женеве пакту о ненападении между Турцией, Ираком и Ираном британское министерство по делам Индии сообщило в Дели и в английское посольство в Кабуле, что, согласно имеющимся сведениям, премьер-министр Ирака Ясин аль-Хашими уведомил представителя английского правительства в Багдаде Ч. Бэйтмана, что «Персия стремится вовлечь Афганистан в этот пакт». Иракский премьер спросил Бэйтмана, имеет ли правительство Великобритании возражения против присоеди-

¹⁵ PRO, FO. 371/18921, p. 117.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid., p. 117—118.

нения Афганистана к пакту, на что последний ответил «нет»¹⁸.

В полученной 31 октября в Форин оффисе телеграмме британского посольства из Тегерана сообщалось, что в этот день министр иностранных дел Ирана Каземи выехал в Кабул. «Одна из его главных целей состоит в том, чтобы привязать Афганистан к пакту о ненападении»,— говорилось в телеграмме¹⁹. Сотрудник ближневосточного отдела Ламберт, ознакомившись с этой информацией, отметил: «Как мы уже знаем из сообщения из Багдада, именно персы сильно желают включить Афганистан в этот пакт»²⁰.

В тот же день в Анкаре состоялась беседа английского посла П. Лорейна с министром иностранных дел Турции Т. Р. Арасом. В ответ на просьбу посла проинформировать его о парафированном в Женеве Ближневосточном пакте Арас «охотно сообщил», что пакт «вскоре будет подписан». Турецкий министр заявил, что именно он «просил персидского министра иностранных дел, в качестве акта вежливости и учитывая существование англо-иракского договора о союзе, передать копию парафированного текста пакта мистеру Идену в Женеве». По словам Араса, «согласие русских на участие Турции в этом пакте было надлежащим образом достигнуто в соответствии с протоколом от 17 декабря 1929 г.»²¹.

Арас сообщил, что «после парафирования Ирак предложил, чтобы Афганистан и Саудовская Аравия были приглашены присоединиться к пакту». Турецкая сторона ответила, что «предпочла бы, как было ранее условлено, продолжать работу по подготовке подписания пакта между тремя участниками и воздержаться до этого от обсуждения вопроса о новых членах». Затем, перейдя на конфиденциальный, доверительный тон, турецкий министр иностранных дел изложил свою точку зрения относительно участия в пакте Афганистана и Саудовской Аравии. Арас сказал, что сам он «расположен, скорее, в пользу вступления в пакт Афганистана, который проводит миролюбивую и прогрессивную политику, стремится только к обеспечению своего мирного развития, и поэтому ему не хотелось бы, чтобы Афганистан испытывал неудобство, оставаясь вне комбинации ненападения, в которую он мог бы во всяком случае войти без какого-либо ущерба». В то же время Арас заявил, что он «не является совершенно уверенным в том, что Россия

¹⁸ Ibid., p. 122.

¹⁹ Ibid., p. 124.

²⁰ Ibid., p. 123.

²¹ Ibid., p. 126. В вышеуказанный советско-турецкий протокол по предложению Араса была включена статья, в соответствии с которой каждая из сторон обязалась в будущем «не начинать без уведомления другой Стороны переговоров, имеющих целью заключение политических соглашений с государствами, находящимися в непосредственном соседстве, сухопутном или морском, с названной Стороной, и заключать такие соглашения лишь с согласия этой последней». См.: ДВП СССР, т. 12, № 377, с. 660.

благоприятно отнесется к участию Афганистана» в Ближневосточном пакте ²².

Относительно включения в пакт Саудовской Аравии турецкий министр сказал, что в этом вопросе «возможны затруднения». Во-первых, «вокруг этого королевства существует слишком густая религиозная атмосфера, которая не гармонирует с идеями и атмосферой современной Турции». Во-вторых, Саудовская Аравия еще не является членом Лиги наций, а Турция «не хочет делать ничего, что не укладывалось бы в рамки Лиги, с идеологией которой она становится все более и более тесно связанной, и она знает из собственного опыта, когда еще не была членом Лиги, какая масса трудностей окружает политические соглашения между членами и нечленами Лиги наций». В заключение беседы Арас еще раз подчеркнул, что высказанные им соображения «как в отношении Афганистана, так и особенно в отношении Саудовской Аравии» предназначены «только для английского уха» и он «не может развивать их перед своими двумя партнерами по пакту, поскольку сделать так — значило бы принести гораздо больше вреда, чем пользы». Именно поэтому, пояснил он, турецкая сторона дала ответ на предложение Ирака расширить круг участников пакта за счет Афганистана и Саудовской Аравии в той формулировке, о которой он сообщил выше ²³.

После изучения содержания беседы Араса с Лорейном в ближневосточном отделе Форин оффиса его сотрудник Л. Бэггалэй составил следующее заключение: «Ирак, конечно, не предлагал включения в пакт Афганистана. Это персы хотят привязать афганцев, но афганцы, насколько мы можем судить, совсем не считают себя в «ущербе», пребывая вне пакта. Мнение господина Араса по вопросу о включении в пакт Саудовской Аравии заслуживает внимания. В соответствии с некоторыми ясными гарантиями пакт о ненападении не может принести реального ущерба никому, независимо от того, кто может быть его участниками, а господин Арас должен помнить статьи 1 и 6 проекта договора относительно невмешательства во внутренние дела других сторон. Поэтому, говоря с сэром П. Лорейном подобным образом, он, возможно, рассчитывал исподволь убедить нас переговорить как бы от своего имени с персидским и иракским правительствами в аналогичном направлении. Но я думаю, что мы должны ... держаться подальше от всего этого. Если иракцы спросят у нас совета относительно Саудовской Аравии, как они это сделали в отношении Афганистана, или Ибн Сауд попросит совета, мы сможем обдумать этот вопрос снова. Саудовская Аравия не является чле-

²² PRO, FO. 371/18921, p. 126—127.

²³ Ibid., p. 127.

ном Лиги наций, но она присоединилась в 1932 г. к пакту Келлога»²⁴.

11 ноября 1935 г. в Форин оффис поступило адресованное Ренделу письмо, отправленное 26 октября из Багдада Ч. Бэйтманом, в котором последний вновь вернулся к содержанию своей беседы с премьер-министром Ирака Ясином аль-Хашими. «Когда Ясин спросил меня относительно нашей реакции на предложение о присоединении Афганистана к трехстороннему пакту о ненападении,— писал Бэйтман,— он сказал, что, как ему кажется, это предложение является чисто персидской акцией, вытекающей из прошлогоднего пограничного спора с афганцами»²⁵. Ему самому безразлично, войдет Афганистан в этот пакт или нет. Но другие участники планируемого пакта раздувают трудности. Турки, например, заявили, что, прежде чем парафировать текст пакта, они должны проконсультироваться со своими союзниками — русскими. (В оригинале документа в этом месте на полях имеется рукописная пометка Рендела: «Они обязаны делать это по условиям их протокола 1929 г.» — В. К.) В ответ Ясин возразил представителям турецкой делегации в Женеве, что в таком случае он должен проконсультироваться со своим союзником — британским правительством. Вот почему он сообщил мне и о предложении привлечь Афганистан. Как бы размышляя вслух, он сказал: «Если персы собираются втянуть афганцев, а турки собираются сохранять все время добрые отношения с русскими, то почему бы и Ираку не привлечь кого-нибудь? Саудовская Аравия, например, испытывает столько же страха от итальянских интриг в районе Красного моря, сколько турки от итальянцев, расположившихся на Додеканезах. Позвольте тогда нам предложить, чтобы она была привлечена в пакт тоже. Кстати, я таким способом гарантирую свою южную границу, как персы пытаются обезопасить свою восточную границу»²⁶.

В ответ на заявление Ясина аль-Хашими Бэйтман заметил, что «точка зрения Лондона состоит в том, что вокруг и так слишком много бесполезных пактов на бумаге и единственной действительной необходимостью является верность принципам

²⁴ Ibid., p. 125. Пакт Бриана — Келлога, заключенный в 1928 г., провозглашал отказ от войны как средства национальной политики, среди его участников были также Турция, Иран и Афганистан, которые присоединились к пакту по предложению и совместно с СССР. — ДВП СССР, т. 11, № 289, с. 491; № 292, с. 493—498; № 294, с. 499; № 295, с. 499—500; № 298, с. 503—506; примеч. 163, 166, 167, с. 738.

²⁵ В 1934 г. правительства Ирана и Афганистана в соответствии с договором о дружбе и безопасности 1927 г. согласились передать вопрос о демаркации своей границы в районе Муса-Абад на арбитраж Турции. Несмотря на несогласие с решением арбитров, Реза-шах приказал подписать соглашение с Афганистаном. См.: Агаев С. Л. Иран: внешняя политика..., с. 288.

²⁶ PRO, FO. 371/18921, p. 129—130.

Устава Лиги наций». Иракский премьер-министр «искренне согласился с этим и добавил, что, хотя пакт о «ненападении» с Персией парафирован, много воды протечет под мостами Тигра, прежде чем он будет действительно подписан, и причина этого состоит в том, что нет пользы говорить о ненападении с Персией, в то время как все теперешние затруднения (по вопросу о границе.— В. К.) возникли вследствие персидской агрессивности». «Его мысль состояла в том, что не следует ожидать подписания пакта до урегулирования вопроса о границе, и я не уверен, что он неправ»,— писал Бэйтман²⁷.

В отношении Саудовской Аравии Бэйтман считал, что «гипотетически она могла бы присоединиться» к Ближневосточному пакту, но пока нет никаких признаков того, что это может произойти в ближайшее время. «Насколько я могу судить,— заключал он свое сообщение,— разговор о Саудовской Аравии был, главным образом, *пробным шаром*. (Выделено в оригинале документа.— В. К.) Подписание пакта о ненападении будет, вероятно, надолго задержано»²⁸.

После изучения поступившей от Бэйтмана информации сотрудники ближневосточного отдела британского МИД пришли к следующему заключению: «Данный пакт не может серьезно рассматриваться даже как демонстрация ближневосточной солидарности ... Форин оффис относится совершенно равнодушно к возможному присоединению Афганистана. Но мы обязаны с некоторой настороженностью отметить переговоры о Саудовской Аравии, учитывая источник, от которого эта информация поступила. Это письмо проливает значительный свет на переговоры, но ни в каком ответе, по-видимому, нет необходимости, в частности, потому, что данный пакт вряд ли будет подписан в ближайшем будущем»²⁹.

18 ноября в Форин оффис поступили новые сведения из Багдада о Ближневосточном пакте. Английский посол в Ираке А. Кларк Керр сообщил о своей беседе с иракским министром иностранных дел Нури Саидом, состоявшейся 4 ноября. В ходе ее Нури Саид сказал, что «Персия, исходящая из собственных соображений, является наиболее заинтересованной в том, чтобы обеспечить присоединение Афганистана к пакту, а для Ирака же нет никакой разницы, подпишет Афганистан пакт или нет. Эти две страны так удалены друг от друга, что любой акт агрессии одной из них против другой является маловероятным»³⁰.

«Относительно надежд турецкого министра иностранных дел,— писал далее А. Кларк Керр,— что пакт будет вскоре под-

²⁷ PRO, FO. 371/18921, p. 130—131.

²⁸ Ibid., p. 131.

²⁹ Ibid., p. 128.

³⁰ Ibid., p. 133.

писан, Нури-паша сказал, что правительство Ирака, со своей стороны, не намерено его подписывать до тех пор, пока не будет урегулирован вопрос о границе с Персией». На вопрос английского посла о возможности присоединения к пакту Саудовской Аравии Нури Саид ответил, что он «не думает, чтобы король Абд аль-Азиз (Ибн Сауд.— В. К.) испытывал к пакту большое расположение, так как по ряду причин он против принятия международных обязательств и не видит никаких практических преимуществ в этом пакте»³¹.

В заключение беседы с английским послом Нури Саид сообщил, что он собирается совершить в начале нового года «хадж» (паломничество в Мекку.— В. К.) и надеется использовать эту возможность, чтобы заключить новый договор «о дружбе» с Саудовской Аравией. Там он мог бы также, в случае необходимости, «возобновить дискуссию относительно пакта о ненападении»³².

Оценивая данную информацию, ответственный сотрудник ближневосточного отдела Форин оффиса Л. Бэггалэй сделал вывод, что в вопросе о присоединении Афганистана к пакту о ненападении «иракское правительство заняло совершенно ни к чему не обязывающую позицию и это хорошо». Вместе с тем Бэггалэй полагал, что в отношении Саудовской Аравии «положение несколько более неопределенное, поскольку нет причин считать, что Ибн Сауд будет рассматривать присоединение к пакту как нежелательное в принципе, хотя он и мог посчитать его совершенно излишним». Во всяком случае, Бэггалэй расценил высказанное Нури Саидом предположение о возможности своего «хаджа» в Мекку как «представляющее интерес». Он даже высчитал, что Нури Саид «мог бы быть в Мекке приблизительно в марте»³³.

20 ноября 1935 г. Рендел получил письмо сотрудника британского посольства в Тегеране Маллета, отправленное 31 октября. «Каземи выехал сегодня в Кабул,— писал Маллет,— несомненно, для того, чтобы попытаться убедить афганцев присоединиться к пакту». Он сообщил, что еще 6 октября заместитель министра иностранных дел Ирана Сохейли в беседе с английским послом Х. Нэтчбулл-Хьюджессеном сказал, что «вынашивается идея расширения пакта за счет включения Афганистана и Саудовской Аравии». В беседе с Сохейли 20 октября английский посол «снова поднял этот вопрос» и ему было сказано, что «именно иракцы сильно желают присоединения Ибн Сауда к пакту». Сохейли пояснил: «У Ирана нет никакой особой точки зрения по этому вопросу, так как Аравия расположена вдалеке от него. Но, с другой стороны, Иран хотел бы

³¹ Ibid., p. 133—134.

³² Ibid., p. 134.

³³ Ibid., p. 132.

добиться присоединения афганцев к пакту, в то время как Ирак не стремится к этому». Отвечая на вопрос посла, Сохейли «отрицал, что России должны были предложить присоединиться к пакту», хотя, как указывал в своем письме Маллет, советник иракского посольства в Тегеране говорил Нэтчбулл-Хьюджессену, что «подобная идея существовала»³⁴.

Почти одновременно на имя Рендела поступило новое письмо Маллета, отправленное из Тегерана 2 ноября. В нем Маллет сообщал «наиболее свежие новости» о Ближневосточном пакте, полученные им из беседы с советником иракского посольства в Тегеране Наджи аль-Асилем. В ходе этой беседы иракский дипломат стремился представить министра иностранных дел Ирана Каземи в качестве «подлинной движущей силы, стоящей за пактом». По словам Наджи аль-Асиля, Каземи говорил иракскому посланнику, что во время посещения Москвы на пути из Женевы в октябре 1935 г. он «установил, что Советское правительство было готово дать свое благословение пакту и не закрыло дверь для возможного вступления в него позднее»³⁵.

Советник иракского посольства также сообщил Маллету, что, по сведениям, полученным накануне из Багдада, «правительство Ирака предложило Ибн Сауду присоединиться к пакту, но Ибн Сауд ответил, что он не готов сделать это в настоящий момент». По мнению Наджи аль-Асиля, объяснение отказа Ибн Сауда «следовало искать в том факте, что Саудовская Аравия не является членом Лиги наций, тогда как пакт должен быть определенно заключен в рамках ее Устава»³⁶.

25 ноября в Форин оффис поступило письмо английского посла в Ираке от 14 ноября³⁷. К письму была приложена точная копия текста трехстороннего договора о ненападении, парафированного в Женеве представителями Турции, Ирака и Ирана³⁸. Как писал А. Кларк Керр, этот документ был передан ему Нури Саидом для того, чтобы английская сторона, изучив его, могла установить, нет ли какого-либо противоречия между содержанием парафированного пакта и обязательствами Ирака по англо-иракскому договору о союзе 1930 г.³⁹

Сотрудники ближневосточного отдела британского МИД во главе с Ренделом, проанализировав парафированный текст пакта, пришли к следующим выводам: «1. Насколько можно судить, предполагаемый договор в его теперешнем виде остав-

³⁴ PRO, Fo. 371/18921, p.136—137.

³⁵ Ibid., p. 138.

³⁶ Ibid., p. 138—139.

³⁷ Ibid., p. 146—147.

³⁸ Ibid., p. 148—152. Содержание договора составляли преамбула и 10 статей. Текст, как и во многих других международных соглашениях того времени, был составлен на французском языке.

³⁹ Ibid., p. 146.

ляет за Ираком свободу в выполнении его обязательств по англо-иракскому союзу... 2. Если само иракское правительство, за которым должна оставаться конечная ответственность, считает, что договор сохраняет за ним свободу в этом отношении, то у правительства Великобритании нет желания отговаривать его от подписания договора в его теперешнем виде, если правительство Ирака сочтет, что соответствующий момент наступил. 3. Желательно, чтобы у других договаривающихся сторон не осталось никакого предлога для того, чтобы когда-нибудь в будущем заявить, что планируемый договор имеет приоритет над англо-иракским союзом... Любую опасность такого рода можно избежать, если правительство Ирака во время подписания договора сделает перед его другими участниками какое-нибудь одностороннее заявление в том смысле, что англо-иракский союз является одним из соглашений, упомянутых в третьем параграфе преамбулы»⁴⁰.

На основании вышеуказанных выводов в Форин оффисе были подготовлены соответствующие инструкции британскому посольству в Ираке, отправленные в Багдад 5 декабря⁴¹. Следует отметить, что, соглашаясь в целом с положениями парафированного договора, сотрудники британского МИД рекомендовали тем не менее добиваться внесения изменений, дополнений и уточнений в формулировки 1, 2, 4 (§ 1—2), 6 и 7-й статей, являвшиеся, по их мнению, «несколько двусмысленными и неясными»⁴². Как указывал в своей записке, приложенной к письму посла, британский советник иракского правительства Эдмондс, выполнявший также функции советника делегации Ирака на переговорах в Женеве, договор «был парафирован ... с оговоркой, что иракская делегация будет представлять его своему правительству только как проект»⁴³. Вместе с тем высокопоставленный сотрудник Форин оффиса Беккет с удовлетворением отметил, что в соответствии с английскими рекомендациями, данными иракцам в Женеве, «не претерпела никаких изменений» формулировка третьего параграфа статьи 4-й, которая являлась наиболее важной с британской точки зрения⁴⁴.

В письме А. Кларк Керра говорилось также, что, по мнению Эдмондса, «стремление правительства Ирана увидеть данный

⁴⁰ Ibid., p. 140. Третий параграф преамбулы подтверждал верность участников Ближневосточного пакта Уставу Лиги наций, пакту Бриана — Келлога и «другим договорам, в которых они являются участвующими сторонами».

⁴¹ Ibid., p. 153—154.

⁴² Ibid., p. 140, 141, 154, 155.

⁴³ Ibid., p. 145.

⁴⁴ Ibid., p. 141. Третий параграф 4-й статьи определял случаи, при которых действия любой из договаривающихся сторон не должны были считаться актами агрессии.

договор окончательно подписанным может послужить для него в качестве стимула прийти с большей готовностью к соглашению с Ираком в совете по регулированию судоходства (на пограничной реке Шатт-эль-Араб.— В. К.)»⁴⁵. Иначе говоря, английские дипломаты считали, что у Ирака появилась возможность использовать заинтересованность иранского правительства в скорейшем подписании Ближневосточного пакта в интересах решения своего давнего пограничного спора с Ираном. Учитывая это обстоятельство, сотрудник ближневосточного отдела Форин оффиса Бэггалэй отметил в своем заключении, что «правительство Ирака едва ли пойдет на подписание парафированного договора до тех пор, пока пограничный спор с персами не будет решен»⁴⁶.

В конце ноября 1935 г. в международной прессе появились сообщения о том, что в итоге визита министра иностранных дел Ирана Каземи в Кабул и состоявшихся там переговоров Афганистан присоединился к парафированному в Женеве Ближневосточному пакту. Одним из первых опубликовал информацию об этом берлинский журнал «Дойче Дипломатиш-политише Корреспондентц», близкий к германскому МИД. В номере от 25 ноября журнал поместил статью, посвященную «недавно заключенному пакту о ненападении между Турцией, Ираном, Ираком и Афганистаном». Содержание статьи показывало, что в гитлеровской Германии, которая еще в октябре 1933 г. вышла из Лиги наций для осуществления своей агрессивной политики, стремились представить Ближневосточный пакт в качестве реального примера подрыва всеобщности принципов Лиги наций. В слегка завуалированной форме статья выражала также лелеемую в Берлине надежду на возможность ослабления связей стран-участников Ближневосточного пакта с СССР и Англией.

Вскоре информация, подтверждавшая факт присоединения Афганистана к Ближневосточному пакту, поступила в Форин оффис от британских представителей в Тегеране, Анкаре и Кабуле. «В тегеранской прессе объявлено, что в результате визита министра иностранных дел в Кабул Афганистан решил примкнуть к договору о ненападении, недавно парафированному в Женеве»,— писал 30 ноября в своем сообщении из Ирана В. Маллет⁴⁷. Поездка Каземи в Кабул, писал он, должна дать ему «значительное личное удовлетворение», так как иранский министр, «судя по имеющимся сведениям, является архитектором этого пакта ближневосточных наций». «Как человек очень тщеславный,— отмечал Маллет,— он, несомненно, надеется, что церемония подписания будет проведена в Тегеране,

⁴⁵ PRO, FO. 371/18921, p. 147.

⁴⁶ Ibid., p. 141.

⁴⁷ Ibid., p. 165.

и ее задержка, которая, по всей вероятности, вызвана нежеланием Ирака подписывать пакт до тех пор, пока его границы не будут должным образом установлены, будет тяготить Каземи и может даже подстегнуть его к решению вопроса о Шатт-эль-Арабе»⁴⁸. Иными словами, Маллет откровенно намекал на возможность использования заинтересованности иранского правительства в скорейшем подписании Ближневосточного пакта в целях достижения благоприятного для Ирака решения вопроса о границе с Ираном.

Английский дипломат указывал, что в целом шахские власти редко допускают публикацию в иранской печати статей, посвященных вопросам внешней политики. Поэтому приложенная к сообщению Маллета статья под названием «Внешняя политика Ирана» из иранского официоза «Журналь де Тегеран»⁴⁹ была, по его мнению, «несомненно, инспирирована властями». Маллет считал, что содержание статьи выражало «характерное для иранцев тщеславие», а основная идея ее авторов сводилась к тому, что «Восток является более миролюбивым и просвещенным, чем Европа»⁵⁰.

Следует отметить, что в конце ноября 1935 г. Каземи, завершив пребывание в Афганистане, совершил частную поездку в столицу Британской Индии Дели, где провел неофициальные переговоры с высшими представителями английской колониальной администрации, в том числе с вице-королем, об улучшении коммуникаций между Ираном и Индией⁵¹. В этой связи Маллет в своем сообщении в Лондон обратил внимание на то, что в отличие от визита Каземи в Кабул, получившем в иранской прессе «широкое освещение», его поездке в Индию «было уделено слишком мало внимания». В частности, иранская печать «совсем ничего» не писала о состоявшихся в Дели переговорах, несмотря на то что британское радио сообщило о них в своей передаче 28 ноября⁵².

12 декабря в Форин оффис поступило сообщение английско-го посла в Анкаре П. Лорейна о его беседе с министром иностранных дел Турции, состоявшейся 27 ноября. В ходе ее Арас подтвердил факт присоединения Афганистана к парафированному в Женеве Ближневосточному пакту, сказав, что решение этого вопроса «было оставлено в руках иранского министра иностранных дел, который использовал свой недавний визит в Кабул для достижения договоренности с афганским правитель-

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ibid., p. 167.

⁵⁰ Ibid., p. 165.

⁵¹ Ibid., p. 165—166; Агаев С. Л. Иран: внешняя политика..., с. 288—289. В палате общин английского парламента депутат-коммунист У. Галлахер сделал официальный запрос относительно целей, содержания и результатов переговоров, которые провел Каземи в Дели.— *Parliamentary Debates. House of Commons*, v. 308, col. 586.

⁵² PRO, FO. 371/18921, p. 165—166.

ством». Турецкий министр заявил, что его правительство «удовлетворено тем, что Афганистан будет включен в пакт»⁵³.

Арас сказал также, что будет готов подписать пакт в любое время, «если его иракские и иранские друзья тоже будут готовы к этому». П. Лорейн понял эти слова Араса в том смысле, что тот «предпочитает подождать с подписанием пакта до тех пор, пока вопрос о границе и другие спорные вопросы в отношениях между Ираком и Ираном не будут окончательно отрегулированы». Из разговора с Арасом английский посол заключил также, что «со стороны русских нет никаких возражений относительно включения в пакт Афганистана»⁵⁴, но пока еще «не утратили свою силу» возражения, высказанные Арасом в беседе с ним 31 октября, в отношении возможности присоединения к пакту Саудовской Аравии⁵⁵.

Оценивая полученную информацию, сотрудники ближневосточного отдела Форин оффиса констатировали, что ситуация вокруг предполагаемого пакта продолжает оставаться такой же, какой она была в конце октября — начале ноября⁵⁶. «Иракцы, конечно, не подпишут его до тех пор, пока их спор с Персией не будет разрешен», — указывал Рендел⁵⁷.

В конце декабря в Форин оффис поступила, наконец, информация непосредственно из Афганистана. Английский представитель в Кабуле подполковник У. Фрэзер-Тайтлер в своем письме от 6 декабря сообщил, что в ответ на его просьбу премьер-министр Афганистана Хашим-хан в беседе с ним рассказал о состоявшихся в ходе визита Каземи ирано-афганских переговорах. Он сказал, что Каземи привез с собой проект планируемого пакта, который стал предметом обсуждения. Как заявил Хашим-хан, «на афганское правительство не произвели впечатления ни текст самого пакта, ни аргументы, приведенные Каземи в пользу того, чтобы Афганистан стал его участником. Проект содержал неудачные и местами противоречивые формулировки, и единственной целью пакта, насколько он (премьер-министр) мог судить, было удовлетворение тщеславия договаривающихся сторон, которые решили не быть отстающими в мире, преследуемом навязчивой идеей о том, что пакты могут разрешить все имеющиеся разногласия. Что касается афганского правительства, — заключил свою тираду Хашим-хан, — то Устав Лиги наций является всем, чего оно желает»⁵⁸.

⁵³ PRO, FO. 371/18921, p. 162.

⁵⁴ Следует отметить, что как раз во время переговоров о присоединении Афганистана к Ближневосточному пакту англичане усилили давление на афганские правящие круги с целью «не допустить усиления экономического сближения афганского правительства с СССР, тем более на длительный срок». См.: ДВП СССР, т. 18, № 417, с. 566.

⁵⁵ PRO, FO. 371/18921, p. 162—163.

⁵⁶ Ibid., p. 161.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ Ibid., p. 171.

«С другой стороны,— продолжал объяснять Хашим-хан,— афганское правительство не хотело казаться отрицательно относящимся к данному проекту. Единственное, чего оно хотело, это мира со своими соседями, а если бы оно осталось в стороне или отказалось примкнуть к пакту, то персидское правительство могло бы посчитать себя оскорбленным и стало бы подозревать афганцев в недружественных побуждениях». Афганский премьер-министр сказал, что его правительство «тратит много времени для того, чтобы рассеять такие подозрения среди своих соседей», и поэтому оно пришло к выводу, что «если подписание им этого пакта приведет к такому результату, то было бы благоразумней его подписать». Исходя из этого, афганская сторона в итоге переговоров с Каземи вручила ему официальное письмо, гласящее о том, что «правительство Афганистана готово присоединиться к пакту» и что оно «даст своему представителю в Тегеране или Анкаре инструкцию подписать пакт от имени Афганистана, как только его проект будет окончательно подготовлен»⁵⁹.

Анализируя эту информацию, сотрудники ближневосточного отдела Форин оффиса пришли к выводу, что «афганцы приняли разумную точку зрения в отношении планируемого пакта», состоящую в том, что «вряд ли можно извлечь из пакта какое-либо особое преимущество, но, с другой стороны, он не может принести и какого-либо вреда»⁶⁰. Что касается окончательного подписания пакта, то в британском МИД продолжали с уверенностью считать, что оно «будет отложено до тех пор, пока в Багдаде не состоятся переговоры о персидско-иракской границе»⁶¹.

Своеобразным дополнением к информации, поступившей в Форин оффис из столиц стран-участников планируемого пакта, явилось сообщение английского посла в СССР лорда Чилстона от 9 декабря. В нем Чилстон писал, что в ходе состоявшейся у него беседы с болгарским посланником в Москве Михалчевым последний «коснулся вопроса о Ближневосточном пакте ненападения», указав на прогресс в его оформлении, имея в виду присоединение к пакту Афганистана. По мнению Михалчева, именно Турция была «главным двигателем в переговорах об этом пакте». Более того, он даже заявил, что Турция «была понуждаема к этому Советским правительством, в кармане у которого она находилась»⁶². Чилстон, сославшись на отсутствие у него соответствующей информации, уклонился от дальнейшего обсуждения этой темы, но, сообщая о беседе с Михалчевым в Форин оффис, попросил дополнительных указаний. Получив это сообщение, сотрудники ближневосточного отдела британ-

⁵⁹ Ibid., p. 172.

⁶⁰ Ibid., p. 170.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ibid., p. 169.

ского МИД А. Ламберт и Л. Бэггалэй со ссылкой на телеграмму П. Лорейна из Анкары от 1 ноября отметили: «По имеющейся у нас информации, Турция, прежде чем начать переговоры, стремилась достичь согласованности с русскими»⁶³.

Процитированные здесь и выше документы поднимают вопрос о подлинном отношении Советского правительства к планам создания регионального Ближневосточного пакта. К сожалению, в опубликованных «Документах внешней политики СССР» за 1935 г. нет сведений о том, какова была позиция СССР в отношении продолжавшихся переговоров о Ближневосточном пакте в этот период. Но вместе с тем известно, что еще 3 августа 1934 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов в письме в ЦК ВКП(б) охарактеризовал эти переговоры как «нежелательные»⁶⁴. По-видимому, такая оценка сохраняла свою силу и в дальнейшем. Поэтому, скорее всего, отношение Советского правительства к планам создания Ближневосточного пакта было аналогичным позиции СССР в период переговоров о создании Балканской Антанты, в которых активную роль сыграла турецкая дипломатия. В то время М. М. Литвинов писал о Балканском пакте: «Мы в нем не заинтересованы, Турцию к нему не поощряем, не высказывали никакого одобрения, но не считаем нужным возражать против пакта... Турция настаивает на этом пакте, и мы не желаем ей мешать, но, во всяком случае, о нашем положительном отношении к этому пакту... не может быть и речи»⁶⁵.

Характер планируемого Ближневосточного пакта мог в значительной степени зависеть от тех внешнеполитических целей, которые были бы поставлены его участниками, а также от отношения к пакту правительства Великобритании. В этой связи следует обратить внимание на опубликованную еще в начале 1935 г. в газете «Заря Востока», органе Закрайкома ВКП(б) и ЦИК ЗСФСР, статью Д. Завриева «Азиатское Локарно»⁶⁶. В ней говорилось о том, что некоторые органы иностранной печати стали писать о подготовке так называемого «Азиатского Локарно», в котором должны принять участие Турция, Иран, Афганистан и Ирак. «Пакт этот,— писал Д. Завриев,— газеты называют азиатским пактом безопасности, направленным в первую очередь к защите этих стран от империалистических поползновений». Так, иранская газета «Эттеляат» 26 августа 1934 г. писала по этому поводу: «Восточные народы могут усилить свою мощь единственно путем союза и укрепления дружественных отношений друг с другом ...Восточные стра-

⁶³ PRO, FO. 371/18921, p. 168.

⁶⁴ ДВП СССР, т. 17, примеч. 225, с. 812.

⁶⁵ Там же, № 13, с. 44; примеч. 49, с. 776—777.

⁶⁶ Заря Востока, 1935, 3 янв.

ны путем единения могут покончить с вмешательством чужеземцев в их суверенные права».

В статье Д. Завриева отмечалось благоприятное развитие турецко-иранских отношений, урегулирование существовавших ранее ирано-турецких и ирано-афганских пограничных разногласий. «Совершенно иначе,— писал автор статьи,— обстоит дело с привлечением к участию в пакте Ирака. Суть дела не в том, что между Персией и Ираком имеются споры... Сама персидская пресса квалифицирует их не иначе, как «мелкие дела», «мнимые конфликты» и т. п., которые сами по себе не могли бы служить препятствием к иракско-персидскому сотрудничеству. Сложность положения в том, что Ирак фактически является подмандатной Англии страной и британский империализм всегда всеми силами старался мешать объединению усилий восточных народов против империалистической агрессии. Следовательно, сама идея такого пакта, который укреплял бы позиции стран Востока в охране их безопасности и независимого существования, не только не может рассчитывать на поддержку со стороны Англии, но неизбежно должна вызвать со стороны последней противодействие. Поэтому вполне понятно, что участие Ирака в азиатском пакте безопасности не может отвечать расчетам британского империализма».

Очень важным, по нашему мнению, является следующий тезис статьи Д. Завриева: «Как сказано, Англия не может способствовать такой форме сотрудничества стран Востока, которая усиливала бы их общую сопротивляемость империализму, но она, разумеется, не прочь была бы помочь заключению такого азиатского пакта, который служил бы осуществлению британских колониальных целей. Усилия британского империализма, как известно, направлены к тому, чтобы подчинить своему неограниченному влиянию весь путь, соединяющий Англию с Индией. Версальский договор подчинил Англии Палестину и Ирак... В случае, если бы ей удалось подчинить Персию, окончательное и полное вовлечение в систему британского империализма Афганистана не представило бы особых затруднений. И тогда Англия осуществила бы непрерывную, неограниченно контролируемую ею сухопутную связь от берегов Средиземного моря до Индии... Персия, таким образом, является весьма важным недостающим звеном в британских планах порабощения Ближнего и Среднего Востока».

На эти же цели политики британского империализма в данном регионе указывала и английская буржуазная печать. Газета «Дейли геральд», например, откровенно писала, что за подписанием нового англо-иранского нефтяного соглашения (29 апреля 1933 г.) должен последовать коммерческий договор, «предоставляющий предпочтение британской и индийской торговле, что предусматривало бы аннулирование русско-персидского соглашения... На экономической базе нового нефтяного

соглашения дипломатия должна построить союз, который закроет прорыв в британской системе мандатов и союзов, которая распространяется от Триполи до границ Индии»⁶⁷. Таким образом, делал вывод Д. Завриев, будущее стран Востока «представляется британскому империализму в виде британской системы мандатов и союзов от Триполи до Индии. С этим представлением, конечно, не вяжется представление об азиатском пакте, основной идеей которого должно быть сплочение усилий стран Востока в укреплении их безопасности и в охране их независимого существования»⁶⁸.

Что касается подлинного характера турецко-советских отношений, который был столь превратно истолкован болгарским посланником в Москве в беседе с Чилстоном, то в рассматриваемый период турецкое правительство, учитывая обострение международной обстановки (прежде всего агрессию Италии против Эфиопии), постаралось укрепить успешно развивавшиеся дружественные отношения между СССР и Турцией определенным политическим документом. 7 ноября 1935 г. в Анкаре был подписан Протокол о продлении на 10 лет сроков действия Договора о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. между СССР и Турцией, Протокола от 17 декабря 1929 г. и Протокола о морских вооружениях от 7 марта 1931 г.⁶⁹ М. М. Литвинов охарактеризовал подписание Протокола, как событие, «демонстрирующее незыблемость отношений тесной дружбы» между СССР и Турцией⁷⁰. В свою очередь Т. Р. Арас, выступая на церемонии подписания, сказал: «Мы имеем более чем 15-летний период сотрудничества с Советской Россией. За это время мы были вместе при обсуждении и разрешении многих международных проблем. Это отнюдь не означает наличия взаимных военных обязательств... Однако существует практическое сотрудничество, и по любому вопросу, имеющему отношение к каждой из сторон, ничего не делается без взаимных консультаций»⁷¹. Можно предположить, что подписанием вышеуказанного протокола турецкое правительство рассчитывало также нейтрализовать эвентуальную обеспокоенность правитель-

⁶⁷ Цит. по: Заря Востока, 1935, 3 янв.

⁶⁸ Временный поверенный в делах Ирана в СССР в беседе с сотрудником британского посольства в Москве Чарльзом 14 января 1935 г. заявил, что вышеуказанная статья Д. Завриева является «полностью неправильной». Он сказал, что между представителями стран, упомянутых в статье, не проводилось никаких «антиимпериалистических переговоров», и пообещал, что они будут держать британское правительство в курсе всех дальнейших переговоров по вопросу о Ближневосточном пакте.— PRO, FO. 371/18921, p. 42.

⁶⁹ ДВП СССР, т. 18, № 402, с. 552—553.

⁷⁰ Там же, № 404, с. 554.

⁷¹ Цит. по: Gönübol M., Sar C. Atatürk ve Türkiyenin dis politikası (1919—1938). İstanbul, 1963, s. 108—109.

ства СССР продолжением переговоров о Ближневосточном пакте⁷².

В то же время согласие Турции на участие в антиитальянских санкциях Лиги наций в связи с агрессией Италии в Эфиопии, начало укрепления итальянцами острова Лемнос, находившегося в непосредственной близости от турецких берегов, повлекли за собой ухудшение итало-турецких отношений⁷³. Поэтому 11 декабря 1935 г. турецкое правительство официальной нотой на имя П. Лорейна сообщило о своем согласии заключить «джентльменское соглашение» о взаимопомощи, в соответствии с которым британский флот в Средиземном море мог в случае вооруженного конфликта с Италией использовать турецкие порты, верфи и доки⁷⁴. Как признает турецкий историк-международник А. Ш. Эсмер, это соглашение «связало Турцию с Англией»⁷⁵. Заключение «джентльменского соглашения» положило начало вовлечению Турции в сферу британской внешней политики. С конца 1935 г. англо-турецкие отношения вступают в новую фазу своего развития, а во внешней политике Турции начинают наблюдаться резкие колебания⁷⁶.

В свою очередь англо-турецкое сближение, начавшееся после заключения «джентльменского соглашения», укрепляло расчеты турецкой дипломатии как на поддержку английского правительства в вопросе пересмотра Лозаннской конвенции о проливах⁷⁷, так и на его более благосклонное отношение к проекту создания Ближневосточного пакта. По-видимому, не случайно, что именно после заключения англо-турецкого «джентльменского соглашения» в декабре 1935 г. «роль Англии в создании Ближневосточной Антанты стала,— как отмечает С. Л. Агаев,— более активной... С этого времени английская дипломатия стремится упрочить отношения Турции с зависимыми от Великобритании или связанными с нею тесными договорными узами государствами Ближнего Востока и Северной Африки»⁷⁸.

Итак, анализ источников и литературы позволяет сделать следующие выводы. Сразу же после парафирования проекта ирано-ирако-турецкого договора о ненападении представители

⁷² Следует также отметить, что турецкое правительство в то время оставило открытым вопрос о советско-турецком пакте взаимопомощи, на заключение которого правительство СССР уже дало свое принципиальное согласие. См.: СССР и Турция, 1917—1979. М., 1981, с. 127.

⁷³ Новейшая история Турции, с. 161—162; СССР и Турция, с. 127.

⁷⁴ ДВП СССР, т. 18, примеч. 255, с. 669—670; № 438, с. 584—585; № 445, с. 589—590; Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.; Л., 1948, с. 174; Живкова Л. Англо-турецкие отношения 1933—1939 гг. М., 1975, с. 34.

⁷⁵ Esmer A. S. Siyasi Tarih (1919—1939). Ankara, 1953, s. 223.

⁷⁶ Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 174.

⁷⁷ Новейшая история Турции, с. 156.

⁷⁸ Агаев С. Л. Иран: внешняя политика..., с. 298.

Ирана и Ирака стали выступать с предложениями о расширении первоначального состава его участников за счет привлечения в пакт Афганистана и Саудовской Аравии. При этом наибольшую активность проявила иранская дипломатия, сумевшая склонить правительство Афганистана к участию в Ближневосточном пакте. Попытки иракской дипломатии привлечь в планируемый пакт Саудовскую Аравию в конце 1935 г. оказались безуспешными. Что касается позиции английской дипломатии, то в рассматриваемый период представители Форин оффиса, продолжая именовать Ближневосточный пакт «бесполезным» и «совершенно равнодушно» относясь к вхождению в него Афганистана, проявили повышенное внимание к вопросу о возможности привлечения в пакт Саудовской Аравии. Продолжая влиять на процесс формирования Ближневосточного пакта прежде всего через Ирак, связанный с Англией договором о союзе, британская дипломатия добилась также укрепления англо-турецких связей путем заключения с Анкарой «джентльменского соглашения» о взаимной помощи. Тем самым был сделан еще один шаг в направлении создания английской «системы мандатов и союзов от Триполи до Индии», призванной охранять колониальные интересы британского империализма в этом обширном регионе.